

В 2021 году исполнилось бы 50 лет Евгению Борщеву (Асину), одному из самых ярких деятелей литературы и культуры Алтая конца 1980-х — начала 1990-х. Борщев ушел от нас в 26 лет. Но его короткая жизнь в искусстве не забыта. О талантливом юноше вспоминают хорошо его знавшие писатели Михаил Гундарин и Владимир Токмаков

«Край умершего снега»

текст **Михаил ГУНДАРИН**

Евгений Борщев как герой эпохи

Что и говорить, Евгению Борщеву повезло жить в самую яркую эпоху нашей новейшей поэзии — конец 80-х-самое начало 90-х. Распад империи породил, помимо огромных бед и страданий, и небывалый выброс творческой энергии. Евгений был, несомненно, героем эпохи, и ушел трагически именно как герой. Учитывая его увлечение рок-музыкой, можно считать, что и он стал членом «клуба 27», — вместе с Янкой, Башлачевым, Кобейном, Моррисоном, Джоплин и много еще кем.

Не будем забывать, что тогда, на рубеже 80-х — 90-х, Алтай кипел что новой поэзией, что рок-музыкой (чтобы потом погрузиться по этой части в долгое сонное оцепенение). Здесь проводились поэтические фестивали, собиравшие авторов со всей страны — как молодежь, так и мэтров. Среди первых был, например, будущий борец с режимом, а тогда поэт-постконцептуалист Евгений Ройзман. Среди вторых — Тимур Кибиров, Юрий Арабов, Иван Жданов. Заглядывал в край и еще один наш земляк, Александр Еременко. А благословил группу молодых поэтов с Алтая еще в 80-х сам Андрей Вознесенский, которого они возвели в чин «Папы российского авангарда». Автор «Озы» ответил прочувственной «Барнаульской Буллой», где, в частности, говорилось:

Барнаульский авангард,
в вас — духовный предугад.
Лапой мирового духа
Благослови меня, Белуха,
Паранойей моих булл
Выбираю Барнаул.
По предчувствиям моим,
Барнаул — четвертый Рим.

Ни больше ни меньше! Борщев был в числе «короновавших» Вознесенского во время его визита на Алтай. И, может быть, слова мэтра в наибольшей степени относились именно к нему — «духовный предугад» можно считать девизом Борщева.

Барнаульские рок-группы и исполнители были также широко известны в стране — «Теплая Трасса»,

Евгений Борщев. Фото из архива Владимира Токмакова

«Дядя ГО», Александр Подорожный... На фестивали «Рок-Азия» и «Рок-Периферия» собирались вообще все тогдашние звезды. Говорю подробно, потому что Борщев варился во всем этом, был активнейшим участником движения. На поэтических фестивалях становился лауреатом, в рок-группах участвовал как текстовик и флейтист... В общем, жил и дышал происходящим. Ни в коем случае его нельзя считать проклятым поэтом, одиночкой, изгоем. Он был счастлив, он был на своем месте. Как и мы все (я, конечно, хорошо знал Евгения, хотя входил в соперничающую с авангардистами литературную группировку, ГРИАДКа — Группа имени Ивана Андреевича «Дедушки» Крылова, — о, у нас была серьезная литературная борьба! Вспомнить об этом сейчас смешно, но мило).

Когда же все это, к середине 90-х, умерло, Борщев переключился на религиозный и социальный активизм. Вместе с друзьями создал так называемый театр состояний «Свет» (попытки перформанса, организация чего-то вроде коллективных медитаций). В качестве православного неопита сурово осуждал некоторых своих бывших товарищей, боролся вместе с другими экоактивистами против строительства в горах Катунской ГЭС... ГЭС не построили. Сам Борщев погиб на горной трассе — шел, говорят, ночью из деревни в деревню (что на него похоже), был сбит грузовиком. Через неделю в лучшем ДК Барнаула состоялся масштабный по местным меркам мемориальный концерт. Было все это в ноябре 1997 года.

Я помню, у нас, варившихся вместе с ним в этом «громоконии», тогда было ощущение, что все — и молодость, и эпоха, — закончилось как-то разом. Мы были правы, что тут скажешь.

На гвоздь повешен материк
До послезавтрашнего дня,
Когда тяжёлый грузовик
Сравнивает с вымыслом меня, —

написал я тогда. И правда, вся эта эпоха теперь кажется вымыслом. Как будто все происходило не с нами...

Надо учесть, что у Борщева была врожденная травма, что-то вроде ДЦП. Ему даже ходить было сложно, без опоры он просто не мог делать этого, но передвигался на большие расстояния, был всегда в движении, в темпе. Даже из своей травмы Евгений сделал некий артефакт — например, опирался не на трость, а на посох. Сгорбленный, маленького роста, с длинными рыжеватыми волосами, бородой, постоянно мелькающий тут, то там, Борщев и впрямь выглядел, как настоящий Дух Поэзии. Нравился девушкам. По имени одной из них придумал себе литературный псевдоним — «Асин», под которым и публиковался.

Вот, кстати, о публикациях. Их не очень много, хотя, как всякий авангардист (об этом ниже), Борщев писал отрывками и фрагментами, которых набралось бы на приличный том. При жизни у него не вышло ни одной книги. Говорят, после смерти какой-то сборник собрали и выпустили друзья, но никто из нас этой мифической книги не видел. Мало Борщева и в Сети. До ее бурного роста он просто не дожил. Остались главным образом публикации в самиздатовских книжках и журналах да в литературном приложении «Альтернатива» к местной молодежной газете. Кстати, в перестроечные времена тираж и газеты, и приложения достигал 250 тысяч! Так что с массовостью у местных молодых авторов было

Обложка машинописного сборника Евгения Борщева работы Юрия Эсаулenco

Евгений Борщев

родился в 1971 году в Хабаровском крае, с детства жил на Алтае. Всю сознательную жизнь провел в Барнауле. В конце 1980-х стал заметной фигурой местного литературного процесса благодаря как своим текстам, так и манере публичных выступлений, откровенно эпатажной. На фестивале «Цветущий посох-1» (1989) Борщев получил приз «За левый умеренный авангард». С этого же года выступает и публикуется исключительно под псевдонимом «Асин» (вплоть до 1994 года). В 1989-1990 много выступал в различных кафе, учебных заведениях и т.п. Печатался в местной периодике: «Альтернатива» (приложение к газете «Молодежь Алтая»), альманахе «Город», журнале «Графика» и других. В начале 1990-х выпустил несколько самиздатовских сборников (в том числе: «Пусть хранит тебя мой ангел», «Мономахова шляпа моя», «Наблюдатель хранит дождь», «Город неразумный»). Тираж каждой книги — 15-20 экземпляров. В 1994 году становится вокалистом, текстовиком и флейтистом дуэта «Эдгар По», а также рок-группы «Русское язычество» и других. Был одним из организаторов фестивалей «Цветущий посох-2» и «Мастерские модерна». В 1995 году Борщев стал одним из основателей театра «Свет». Погиб под колесами КАМАЗа в Горном Алтае в 1997 году. Похоронен в Быстром Истоке.

его поступки. Вскоре из всех барнаульских авангардистов он стал самым авангардным — и уже не он у нас, а мы учились у него.

Поэты делятся на разведчиков, тех, кто открывает новые территории, и тех, кто эти новые поэтические пространства обживает. Женька Борщев без всякого сомнения был разведчиком, бесстрашным и — в отличие от всех нас, входивших в литобъединение, — самым последовательным. Тогда, когда мы отказались от идеалов молодости, он продолжал двигаться вперед — почти в одиночку.

Женька жил в одном доме с художником Юрием Эсауленко, в соседних подъездах. А я — в одной остановке от них. Спальный район, серые девятиэтажки, окраина. Через дорогу начинались колхозные поля. Развлечений ноль, и мы ходили друг к другу в гости. Обменивались пластинками, книгами — все то, что во времена перестройки быстро расхватывалось с прилавков «Мелодии» и книжных магазинов. Невероятно много читали — стихи, проза, критика, философские трактаты. Засиживались ночами на кухнях, мечтая о своих сборниках и художественных выставках. Это было веселое время альманаха «Графика», уличных выступлений, первых публикаций в газетах, когда летишь по улицам окрыленный, и тебе кажется, что все встречные люди уже знают, что перед ними настоящий поэт. Юра Эсауленко оформил несколько самиздатовских сборников Борщева. Они и сейчас выглядят как классика своего жанра.

Мы все тогда жадно впитывали все новое, запретное, непохожее. Так было в обычной жизни, так было в искусстве. Молодые поэты открывали для себя мир запрещенных писателей и художников, и думалось, что только так и нужно писать: сложно, непонятно, не для всех. Мы грезили судьбой поэта-пророка Артюра Рембо, проклятого поэта Шарля Бодлера, поэта-дервиша Велимира Хлебникова, сюрреалиста Поля Элюара. Избавиться от логики обычных людей и попробовать взлететь там, где обыватели и пройти — не могут. Это были неизвестные земли и пространства полные невиданных зверей, а там один шаг до творческого безумия. Только для нас это было просто увлечением молодости, а для Женьки Борщева стало судьбой, смыслом жизни и творчества. В своих поэтических экспериментах он ушел дальше всех.

Начертал мне Платон на спине магический знак
Не откроешь ведь дверь в подвальчик где есть вино
Натюрморт из уснувших губ уже удался
Я опоздал

Поток сознания, автоматическое письмо, мир снов и видений. Так можно писать только по вдохновению. Чистое, без всяких примесей, искусство. Сейчас многие сочинители забыли (а может, и не знали), что настоящий писатель должен творить (как бы старомодно это не звучало), а не выдавать на-гора кирпич за кирпичом, согласно издательскому плану.

Поставлю ноги на холодные рельсы
Руками схвачусь за хвост трамвая
Буду четвёртым вагоном
Держащим путь в край умершего снега

Потом наступили 90-е... Аудитория любителей поэзии сжималась, как шагреневая кожа. Безденежье загоняло бывших соратников по поэтическому цеху на самые немислимые работы. Кто-то бросил писать, кто-то уехал из страны, кто-то медленно спивался

на тех же кухнях. Писатели, поэты, художники уходили из жизни один за другим, будто им перекрыли кислород и они задохнулись.

Как-то в эти самые 90-е я встретил его зимой в промерзшем, воняющем выхлопными газами пассажирском автобусе. Мы оба так же жили в Индустриальном районе, на окраине. Был адский мороз, за окнами мгла, без единого фонаря, я ехал с работы из городской «вечерки» уставший и мрачный. А Женька жил, как будто всего этого не было, он взахлеб рассказывал мне о своих поэтических и философских концепциях, о музыкальных фестивалях, на которых побывал в других городах. Я знал, что жил он финансово трудно, как и все мы, но продолжал писать, мечтать, парить над миром, как будто то, что он делал, — это и есть самое важное на земле. Несмотря на провинциальную мглу и безразличие окружающих, мировую скорбь и безнадегу.

Он был удивительный собеседник. Забирался на такие высоты духа, куда за ним не угнаться. Оставалось только стоять внизу — и созерцать, как поэт парит в небесах, эмпириях. Такие люди заряжают энергией других. Он совершенно не боялся публичных выступлений, выходил и читал перед большим залом, и зал его слушал.

Человек неравнодушный и легкий на подъем, он увлекся идеями экологического движения. Помню Борщева как участника экологических митингов и пикетов, которые показывали по центральному телевидению. Думаю, это многим не нравилось, — прежде всего, местных властям и тем, кто мог на строительстве Катунской ГЭС заработать. Поэту версия неожиданной гибели Женьки в Республике Алтай под колесами грузовика мне тогда показалась какой-то неуверительной. Подумалось, что его смерть могла быть совсем не случайной. Кто теперь знает и может рассказать об этом всю правду?

Может быть, это просто миф, как и миф о его пропавших рукописях.

Перед смертью он подготовил к изданию свой первый сборник, но что-то как всегда не срослось, не хватило денег. А после смерти Женьки выяснилось, что пропали и рукопись, и набор (он хранился, увы, на дискете). Готовя посмертную публикацию Борщева в «Вечернем Барнауле», я зашел к нему домой. Он жил отдельно от родителей, со своей девушкой Наташей. Там же, в Индустриальном районе, но в другом квартале. Я готовил с ним интервью, а вышло — некролог...

Посреди небольшой квартиры были кучей навалены Женькины записные книжки, толстые общие тетради, самиздатовские сборники, журналы и альманахи, пухлые папки, набитые машинописными листами, заметки, наброски на обрывках каких-то бумажек. Он писал очень много, каждый день и практически ничего из этого не было опубликовано. Квартира принадлежала Женькиным родителям, ее надо было освободить. На мой вопрос, что будет делать с этой горой рукописей, Наташа ответила, что заберет их с собой. Я осторожно спросил: может она все-таки передаст их куда-нибудь на хранение? Ответ был: «Нет». И я до сих пор не знаю, где эти бумаги... Дай бог, чтобы не оказались на помойке.

В этом году Евгению Борщеву исполнилось бы 50 лет. Незабываема энергия, с которой он жил и творил. Он оставил нам свои стихи, радующие и удивляющие, как экзотические бабочки, рыбы, птицы с райским нездешним оперением. ❀